

«Дедушка еврейской литературы»

К 95-летию со дня смерти Менделе Мойхер-Сфорима

Иосиф Лахман

Кто он – Менделе Мойхер-Сфорим?

Речь в моей статье пойдет о еврейском писателе, имя которого ныне мало знакомо не только русскому или английскому читателю, но и человеку, в той или иной мере владеющему языком идиш. Между тем, этот писатель – выдающийся мастер художественного слова, сыгравший колоссальную роль в становлении современной светской литературы на идиш. Шолом-Алейхем его назвал «дедушкой еврейской литературы».

Писатель этот – Менделе Мойхер-Сфорим.

Менделе Мойхер-Сфорим внёс громадный вклад в формирование единого литературного языка идиш. Он впервые соединил основные два диалекта – литовско-белорусский и украинский, заложив основу современного литературного языка. Он предложил лексику и синтаксис базировать на украинском диалекте, а фонетику – на белорусско-литовском, но за некоторыми исключениями (например, не *брейт*, *беймл*, *кейлн*, а *бройт*, *боймл*, *койлн*). Впоследствии литературный идиш подвергся неоднократным реформам, но заложенные Менделе Мойхер-Сфоримом принципы остались неизменными.

Менделе Мойхер-Сфорим был родоначальником новой художественной литературы на идиш. Можно сказать, он в одиночку создал современный канон этой литературы.

Кто же этот писатель со столь необычной для нашего слуха фамилией?

Менделе Мойхер-Сфорим (что в переводе на русский означает: Менделе Книгоноша, Менделе Книгопродавец) – псевдоним. Настоящее имя писателя – Шолом-Яков Абрамович.

Родился Шолом в маленьком белорусском местечке Копыль. День его рождения окутан туманом. Официальной датой принято считать 20 декабря 1836 года, однако она не является достоверной. В заметках к своей автобиографии Абрамович писал: «Мой день рождения нигде не был записан, так как подобным вещам у нас, евреев, не придавали большого значения, особенно в маленьких местечках. Но полагаю, что был рожден в 1836 году, и мои родители поставили дату – 20 декабря». Знаменитый историк Семен Дубнов, многие годы близко друживший с писателем, считал, что в действительности Менделе старше, по крайней мере, на пять лет.

В 70-е годы прошлого века мой близкий друг, замечательный еврейский поэт и литературовед Хаим Бейдер провел кропотливую исследовательскую работу. Он рыскал в архивах ряда городов, поднял старые печатные материалы и различного рода справки. На основе всего этого он пришел к заключению, что Абрамович родился в 1834 году. Но, как говорят на идиш, нит дос бин их ойсн – не в этом суть...

Детство будущего писателя было безрадостным. В четырнадцать лет он потерял отца и вынужден был оставить родной дом. В течение трёх лет бродил по окрестным городам, изучал религиозную литературу и столовался у членов еврейских общин (на идиш это называлось «эсн тег», букв. «есть дни»). В 17 лет вернулся в Копыль и здесь сошёлся с нищим бродягой Авремлом Хромым. Тот увлёк юношу в странствия по Литве и Украине.

Что могло сблизить образованного юношу с полуграмотным бродягой? Где-то я вычитал, что в бродягах часто живёт душа поэта, а иным поэтам присущ дух

бродяжничества. Может быть, это была одна из причин образования столь странного «тандема»?

Подобно другим еврейским бродягам, наши герои передвигались на фургонах, а чаще всего пешком из одного местечка в другое, побирались, ночевали в синагогах и богадельнях. Эти странствия дали Абрамовичу богатейший материал для последующих знаменитых произведений.

В 1853 году Абрамович оказался в Каменец-Подольске. Здесь он женился на дочери местного богача; это был брак по нужде, ничего общего у него с женой не было, и через три года он с ней развёлся. В Каменец-Подольске Абрамович впервые начал печататься в периодических изданиях на древнееврейском языке. Почему на этом языке? Дело в том, что 50-60-е годы XIX века были временем увлечения еврейской интеллигенции идеологией Хаскалы, которая, в частности, считала идиш неполноценным языком и недостойным для уважающего себя автора.

Несколько слов о движении Хаскалы. Зародилось оно в Германии в середине XVIII века. Основателем его является Мозес Мендельсон. Главной своей целью идеологи Хаскалы считали просвещение еврейского народа и превращение таким путём евреев в интегральную часть западного гражданского общества. Для этого они готовы были отказаться от ряда существенных для евреев национально-религиозных традиций, что не могло не способствовать процессу ассимиляции. Западные маскилим (приверженцы Хаскалы) на основе своих принципов пытались построить мост между евреями и западным обществом. Свою часть моста они, можно сказать, построили. Однако другая сторона, христианское общество, и не помышляла идти им навстречу. Потерпев внушительную неудачу, Хаскала постепенно сошла с исторической арены.

До России Хаскала добралась в 40-х годах XIX века. В 50-х годах Абрамович ощутил большое её влияние. В своих статьях, написанных на древнееврейском языке, он горячо выступает за просвещение еврейских масс, за обучение еврейских детей русскому языку и профессиям, что должно было, по его мнению, существенно улучшить их положение в обществе. Абрамович даже написал научно-популярную книгу (также на иврите) «История природы». Это был пересказ «Истории естествознания» немецкого профессора Ленца.

Забегая несколько вперёд, отмечу, что и после того, как Абрамович начал издаваться на идиш, он не переставал проповедовать мысль: просвещение – важнейшее средство достижения евреями достойного места в христианском обществе. В то же время он выступал против предложений западных маскилим отказаться от еврейских традиций и еврейской идентичности.

Случайные статьи не могли служить для Абрамовича источником постоянного дохода. В 1856 году он, наконец, приобретает такой источник: сдает экзамен на звание учителя и становится преподавателем в местном светском еврейском училище.

В 1858 году Абрамович переезжает в город Бердичев. Здесь он женится на дочери известного деятеля Хаскалы и сам становится активным пропагандистом этого направления еврейской общественной мысли. Однако в 70-80-х годах происходит кризис Хаскалы в России. Это было связано с усилением антисемитизма, с прокатившимися по многим городам России погромами. Резко изменилось отношение царского правительства к еврейскому образованию. Оно стало рассматриваться им как вредоносное для государства и коренного населения. Стало всё более ясно, что для решения жгучей проблемы – каким образом евреи могут выжить как народ – одного распространения образования далеко недостаточно, что нужны более радикальные и эффективные меры. Духовные лидеры еврейства начали искать пути к новым движениям. Постепенно стали

вырисовываться три националистических направления: сионизм, территориализм, автономизм.

Сионизм ставил своей целью объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине – Эрец Исраэль. Территориалисты считали, что для защиты евреев нужно создавать еврейские автономные поселения на любой подходящей для этой цели территории. Автономисты предлагали создать в России, где проживало свыше пяти миллионов евреев, национально-культурную автономию с широкой системой институтов: культурных, школьных, филантропических.

Закат Хаскалы сказался на литературном творчестве Менделе Мойхер-Сфорима. Хотя вопрос о просвещении еврейского народа, как уже отмечалось, неизменно присутствует и в последующих его произведениях, тематика их становится намного шире и многообразнее. Абрамович начинает творить на идиш, который к тому времени стал общедоступным народным языком. «Что хорошего, - писал он, - от творений писателя, если они не приносят пользы людям? Для кого я работаю? Этот вопрос не давал мне покоя и ставил передо мною дилемму... Я начал писать на идиш, чтобы быть понятым и служить своему народу».

Мне хотелось бы рассказать о богатейшем содержании и художественной палитре хотя бы самых значительных произведений Менделе Мойхер-Сфорима. Однако нельзя объять необъятное. Остановлюсь очень кратко на некоторых романах и повестях и несколько подробнее на двух наиболее знаменитых произведениях - «Кляча» и «Путешествие Вениамина Третьего».

Начну с первой крупной работы автора.

«Маленький человечек»

В 1863 году Абрамович посылает в издававшийся в Одессе журнал «Кол мевасер» («Вестник») свою первую повесть на идиш – «Дос клейне менчеле» («Маленький человечек»), подписав ее псевдонимом Сендерл Мойхер-Сфорим (Сендерл-книгопродавец). Абрамовичу, видимо, нравилось это имя, и, как увидим, назвал этим именем одного из главных героев самого знаменитого своего произведения.

Редактору журнала Александру Цедербауму повесть чрезвычайно понравилась, и он тут же направил её в печать, однако самовольно изменил имя автора с Сендерл на Менделе. Почему? Сендерл – уменьшительно-ласкательное народное имя от имени Александр, и Цедербаум не хотел, чтобы возникло подозрение, будто он автор повести. Повесть была опубликована в 1864 году.

Повесть – остросатирическая. В ней разбогатевший неправедными путями еврей Ицхок-Авремл из местечка Цвужич в своей исповеди раскрывает многообразные способы, которыми пользуются бесчестные люди для приобретения богатства и власти. Он таких людей называет «маленькими человечками». «Быть человечком, - говорит Ицхок-Авремл, - значит присасываться и пить чужую кровь, жить обманом... Когда превращаешься в маленького человечка, достигаешь всего на свете».

Таким «маленьким человечком» является, например, местечковый врач. Вот один из неправедных способов его обогащения: у больного насморк, - а доктор предписывает ему массу лекарств и в течение двух недель посещать его.

Колоритно вырисован местечковый богач Исер. Он зарабатывает тем, что обещает оказывать помощь (за немалые деньги, конечно) людям, привлеченным к суду. Не могу отказать себе в удовольствии привести коротенький отрывок из повести, рельефно рисующий характер этого «маленького человечка».

Исер рассказывает своему другу: «Пусть они, глупцы, верят в это и приходят ко мне молить об услуге. У меня для них всегда один ответ: посмотрим, увидим! Я говорю это, понимаешь ли, рассуждая так: если он выиграет, значит, я, Исер, кого надо повидал и получу за это недурной куш, хотя видеть я видел кого-нибудь так же, как вижу собственные уши. Если же тот в проигрыше, и тут ничего не убывает ни от моего достоинства, ни от моей силы. Тот размышляет так: я проиграл потому, что реб Исер не захотел помочь; если бы реб Исер и в самом деле захотел приложить старание, я, несомненно, выиграл бы. Ну и что же? Он на меня будет в обиде,— так пусть во сне явится меня душить, пусть кусает собственный локоть! Однако своей славы «всесильного» я не теряю».

Это – лишь один из бесчисленных способов наживы, используемых «маленьким человечком».

Прослужив несколько лет у богача, Ицхок-Авремл сам прекрасно овладевает искусством «маленького человечка». Всеми правдами и неправдами, идя на сделки с совестью, он вскоре становится богачом. Но приближается старость, Ицхок-Авремл критически оглядывает свою несправедливую жизнь и пишет в своей исповеди: «Каюсь в грехе, коим грешил, создав свою шатию, людей, способных на всякую мерзость, каюсь в злословии, махинациях и доносах, помыкании слабыми, устранении недовольных, хранении в тайне тёмных дел, наглости, лицемерии и мошенничестве; в разыгрывании комедий в местах общинных сходбищ и конторах, клевете и злодействе; одурачивании, лжи, вымогательстве и плутовстве; притворстве и насилии. Смысл всего названного лежит на самой поверхности, и мне не к чему вам все это объяснять».

В заключение исповеди-завещания Ицхок-Авремл требует, чтобы оставляемый им благотворительный фонд пошёл на содержание двух школ – талмудторы для обездоленных детей и школы для обучения детей ремеслам. Причем в талмудторе детей должны обучать не только иудаизму и древнееврейскому языку, но и языку русскому и светским наукам, дабы вырастить из них настоящих людей, угодных Богу и полезных ближним. В другой школе следует обучать детей науке и ремеслу одновременно с тем, чтобы там воспитывались ученики, не знающие позора, оскорблений и унижений; пусть они выйдут оттуда хорошо обученными ремесленниками, знающими себе цену, и тем самым заставят других ценить их по достоинству.

«Такса»

Живя в Бердичеве, Абрамович публикует в 1869 году свою драму «Ди таксе, одер ди банде штот баалей тойвес» («Такса, или банда городских благотетелей»). В ней автор острым сатирическим пером рисует неприглядную картину обворовывания бедноты кучкой заправил еврейской общины города. Достается и царскому правительству, которое не только не борется с бесчестными общинными заправилами, но является опорой их власти. Хотя Абрамович называет город, в котором творятся эти безобразия, вымышленным именем Глупск, заправилы бердичевской общины узнали себя в этой драме. Начинается травля писателя, и он вынужден покинуть Бердичев. Абрамович переезжает в Житомир. Этот город под названием Тетеривка также будет впоследствии красочно описан автором.

«Фишка-хромой»

В том же, 1869 году Менделе публикует первое издание романа «Фишка-хромой». В нём изображена жизнь самых низших слоев российского еврейства – нищих мужчин и женщин, всю жизнь добывающих хлеб насущный попрошайничеством. Видов попрошаек

великое множество: путешествующие пешком и продвигающиеся в крытых фургонах; городские нищие, т.е. те, что родились в каком-нибудь городе, и полевые нищие, родившиеся «в поле», в фургоне, и так далее. Кстати, среди них находим предшественников «детей лейтенанта Шмидта»; те далекие предки «детей лейтенанта» объявляли себя «внуками» известных раввинов...

В рецензии на роман «Фишка-хромой» Шолом-Алейхем писал: «Приходится удивляться писателю, откуда он только знает этих людей с их языком, со всеми их повадками... Для того, чтобы так знать нищих, так глубоко проникнуть в их жизнь, требуется, очевидно, помимо таланта, еще и умение заглядывать в самые укромные уголки, искать, докапываться. Нюхать и чувствовать, все видеть, замечать каждую мелочь».

С огромной любовью и состраданием автор рисует главного героя романа – хромого юношу Фишку.

Фишка, зарабатывающий гроши, прислуживая в городской бане, внезапно становится мужем слепой попрошайки, так как настоящий жених не явился на свадьбу. Однако брак оказался для Фишки несчастлив. Во время путешествия с компанией нищих жена изменяет ему и обходится с ним чрезвычайно деспотично. Фишка влюбляется в другую нищенку этой компании - тихую, смиренную горбатую девушку. Он готов отдать этой девушке лакомый кусок коврижки, который случайно раздобыл на обряде обрезания. Но не суждено было горбатой девушке отвесть коврижку. Когда Фишка вернулся к месту, где остановилась его компания, он никого там не застал. За несколько часов до его прихода фургон с нищими укатил вместе с его слепой женой, с рыжим «поганцем-соблазнителем» и с горбатой девушкой, а Фишка остался один-одинёшенек, как придорожный камень...

«Кляча»

В 1873 году Менделе Мойхер-Сфорим издает повесть «Ди Кляче» («Кляча»). Это повесть - аллегория. В ней герой повести, юноша по имени Исролек во сне встречает истерзанную, измученную лошадь, которая рассказывает ему о своей дряхлой тысячелетиями несчастной жизни: она еще возила целые горы кирпичей и глины и ими построила древнеегипетские города Питом и Рамсес. Таким образом, автор даёт понять, что в образе клячи изображен еврейский народ.

В своих заметках «Происхождение «клячи» Шолом-Алейхем вспоминает рассказ Абрамовича о том, как он «забеременел» «Клячей».

«Дело было так. Однажды летом сию в Глупске (читай – Бердичев. – И.Л.) в заезжем доме и, задумавшись, гляжу на улицу в открытое окно; вижу – подоткнув полы рваного кафтана, измученный, обливающийся потом еврей хлещет кнутом бедную, измочаленную, взмокшую, всю искусанную клячу, запряжённую в телегу, полную кирпича, и осыпает страшными проклятиями и клячу, и себя, и весь белый свет.

- Сгореть бы шкуре твоей, кляча проклятая!

А кляча, повернув к нему изможденную горестную морду, глядит на него, как грешный человек, и чудится мне, будто слышу, как она ему говорит:

Глупец! Он называет меня клячей. Сам ты кляча! Взгляни туда, на площадь, куда я тащу кирпичи, и увидишь, что вы все клячи, истомленные, изнуренные клячи, горе, горе вам!»

Автор винит в отчаянном положении евреев, прежде всего, общество, в котором они живут, власти, которые не только не защищают их, а, наоборот, поощряют глумление над ними. Кстати, из-за «Клячи» царская цензура наложила запрет (на шесть месяцев) на издание журнала «Восход», в котором она печаталась, мотивируя это тем, что «в повести

имеются намеки и несправедливые жалобы на положение евреев». Я не знаю, какие именно «намёки» имел в виду цензор. Думаю, таким прозрачным «намёком» послужила глава 14 повести под названием «А шейн велтл, х'лебн!» («Красивый мирок, чтоб я так жил!»). В ней Менделе Мойхер-Сфорим описывает полёт Исролика с Асмодеем (князем демонов) над различными странами и городами мира. Всюду перед глазами Исролика встают картины изощренных издевательств над евреями, хладнокровных, беспричинных убийств стариков, женщин, детей... Исролик спрашивает Асмодея: где же полиция? «Полиция, отвечает ему дьявол, прикидывается, что ничего не видит». Хотя в тексте Россия среди этих стран прямо не названа, Менделе дает недвусмысленно понять, что именно в ней совершаются жестокие зверства.

А вот картинка, где указано конкретное место издевательств над евреями: Исролик, гуляя по улице Днепровицы (подразумевается Киев), видит, как полицейские тащат конягу и бьют её почём зря, без разбора.

- «Почему, - спросил я полицейского, - бьёте эту несчастную клячу?
- Почему мы бьём эту паршивую клячу? Мы таскаем её в полицию.
- Но почему вы при этом бьёте её?
- Без битья дело выглядит как-то скучно, точно свадьба без музыкантов».

Бичуя власти, автор укоряет и своих единоверцев, безропотно терпящих издеательства и унижения общества. Вот как Исролик описывает свои чувства при виде, как кляча безучастно лежит в грязи: «Мне было бесконечно жаль эту несчастную клячу. И одновременно она вызывала у меня досаду – как же так? Как можно лежать в грязи так спокойно, словно она этого не чувствует, не понимает свое горькое положение!.. Если бы она имела хоть крошку чувства, хоть крошку понимания, она ни в коем случае не могла бы лежать на своём месте так спокойно. У неё должна была кипеть кровь. У неё должны были трепетать все органы тело, каждая вена...»

По мнению Исролика, улучшить своё положение евреи могут благодаря просвещению. Если бы Кляча, объясняет он, была образована, то вместо тяжелой работы её бы использовали на более лёгких. На что Кляча разумно отвечает: «Ты говоришь, чтобы мне дали возможность учиться. Так я хочу тебя спросить. Во-первых, умник мой, почему велят именно мне? Мало ли на свете необразованных лошадей, не воспитанных ни на каком заводе, и тем не менее, - мне бы такую жизнь».

И далее: «Я вовсе не желаю, чтобы ты просил и умолял чуть не со слезами, чтобы меня не мучили. Я такое же живое существо, как и все, и имею право жить и существовать наравне со всеми. А если всё будет даваться из снисходительности, то это будет значить, что в сущности я не имею права жить на божьем свете, я должен быть благодарен кому-то... а я хочу жить непременно на общих правах, просто потому, что я такое же существо, как все!»

«Кляча» была несколько раз переведена на русский язык. Один из переводов принадлежит двадцатилетнему Ивану Бунину. В письме к своему брату Юлию Алексеевичу от 27 июля 1890 года Бунин пишет: «Собственно, перевёл не я, а резчик печатей, и я переписал перевод своими словами» (см. Хаим Бейдер. В мире Менделе Мойхер-Сфорима (идиш). М., 1986, с. 49). Несмотря на то, что Бунин не знал идиш и воспользовался подстрочным переводом, из-под его пера вышло замечательное художественное произведение.

«Путешествие Вениамина третьего»

«Путешествие Вениамина Третьего» - самый знаменитый роман Менделе Мойхер-Сфорима. И на нём стоит остановиться поподробнее.

Прежде всего: откуда такое название романа?

В истории сохранились сведения о двух евреях-путешественниках по имени Вениамин. Первый из них был знаменитый путешественник XII века Вениамин из испанского города Туделе (Вениамин Первый). В 1165-1173 гг. он совершил паломничество в Эрец-Исраэль, посетив по пути ряд крупных европейских и ближневосточных городов. Оставил интересное описание своего путешествия. Вениамином Вторым назвал себя немецкий еврей Израиль бен Иосиф (1818-1864), совершивший в середине XIX восьмилетнее путешествие в Азию и Африку с целью разыскать исчезнувшие десять колен израилевых, а затем - трёхлетнее путешествие в Америку. Оба путешествия он также подробно описал.

Вениамин Третий – герой литературный, плод фантазии автора. Он, несомненно, пародия на двух первых Вениаминов. Но пародия, проникнутая добрым, мягким юмором. Кстати, этим во многом отличается роман «Путешествие Вениамина Третьего» от всех предыдущих произведений автора, в которых преобладает острая, беспощадная сатира.

Содержание романа исключительно интересное, язык – богатый, колоритный, подлинно народный.

Жил-был еврей по имени Вениамин в маленьком, захолустном местечке черты оседлости – Тунеядовке. В названии местечка - прозрачный намёк: не ясно, чем жили и как зарабатывали на пропитание его жители. Вениамин говорит о своих земляках: «Жители Тунеядовки почти все большие бедняки, не про вас будь сказано, настоящие нищие, но, - правды не скроешь, - они веселые бедняки, жизнерадостные нищие, полные надежд...»

Начитавшись историй о «красноликих» израильтянах и десяти потерянных коленах израилевых, Вениамин открыл для себя, что свет отнюдь не сошёл на его Тунеядовке, что за пределами местечка распростерт огромный мир, а в нём существует древняя страна евреев - Эрец-Исраэль. От этих открытий Вениаминому стало тесно в пределах местечка, его потянуло туда, в дальние края...

Но вот беда: «По природе своей, пишет Менделе, наш путешественник Вениамин был невероятно труслив: ночью он боялся ходить по улице, ночевать один в доме не согласился бы, хоть озолоти его. Отправиться чуть подальше за город означало для него попросту рискнуть жизнью, - мало ли что может случиться! Какая-нибудь лежащая собачонка внушала ему смертельный страх». И Вениамин решает: что бы то ни стоило, преодолеть свою трусость. Он нарочно заставлял себя гулять по ночам в одиночку, нарочно спал в пустой комнате, умышленно часто уходил за город. Все это давалось ему нелегко, он даже отошал, осунулся.

Для осуществления своей мечты Вениамин привлекает земляка по имени Сендерл ди идэнэ (Сендерл-баба), такого же нищего, как он сам, но бесхарактерного, готового безропотно исполнять любое желание друга.

Вдвоём они отправляются в путь. Во время путешествия, которое длится несколько месяцев и ограничено пределами нынешней Житомирской и Киевской областей, на их долю выпадает много комических приключений и тяжких испытаний.

Вот как Менделе Мойхер-Сфорим описывает первые шаги путешественников, вырвавшихся на свободу: «Ни одно перо не в силах описать, как счастливы, чрезвычайно счастливы они были. Им было до безумства хорошо, они были чрезвычайно довольны – довольны сами собой, довольны друг другом и довольны всем светом». Однако, очутившись за пределами Тунеядовки, путешественники тут же растерялись: куда, в какую сторону идти дальше? Они надеются, что их может выручить проезжающий мимо мужик. Путешественники обращаются к нему с незамысловатым вопросом: «Кажи но, чоловіче, куды дороги аф Эрец Исроэль?» Думаю, вопрос в переводе не нуждается.

Ответ мужика - короткий и ясный: никакого Сруля он не знает и знать не хочет. А дорога ведет в соседнюю деревню Пиявки.

С огромным трудом, усталые и голодные, Вениамин и Сендерл добираются до Пиявок, где им, к счастью, удаётся поесть, отдохнуть и пуститься дальше в путь. Вскоре они попадают в большой город – Тетеривку (по названию города мы узнаем, что это Житомир, стоящий на реке Тетерев). Пером Менделе Вениамин красочно рисует этот город и его обитателей: «Тетеривка – большой город, с красивыми домами и длинными улицами. Увидев её в первый раз, кажется, что она живет, кипит, шумит. Но потом, когда немного привыкаешь к ней, оказывается, что она, по существу, вроде большой Тунеядовки. Жители там едят, ложатся спать и встают, по обычаю, каждый день в одно и то же время. Время там определяется промежутком от одного приёма пищи до другого. Например, от завтрака до обеда, от обеда до ужина... Говорят, что тетеривский воздух делает человека ленивым, апатичным, сонливым. Когда туда попадает человек с куражом, с желанием повлиять на что-то, он всего этого в короткое время лишается, и у него остается лишь желание есть, спать и вставать, чтобы опять есть и спать».

В Тетеривке путешественники неожиданно натываются на жену Сендерл, прибывшую сюда в поисках сбежавшего мужа, и нашим героям приходится спасаться бегством...

Продолжая свой путь, путешественники попадают в город Глупск. Как мы уже знаем, это приснопамятный для Менделе город Бердичев). Неудивительно, что автор не жалеет мрачных красок для его описания: в городе в течение всего года не высыхают грязные ручьи и лужи. «Когда вы прибываете в Глупск через Тетеривскую улицу, вы должны, прошу прощения, перепрыгнуть через одну лужу, затем вторую, чуть дальше третью, самую большую, куда вливаются ручейки из домашних помоев и приносят с собой всякую всячину, каждый день какой-то новый предмет, домашние вещи самых разных окрасок и разные запахи, и благодаря этому легко угадать, какой это день недели...»

Больше всего путешественников поразила протекающая здесь река Гнилопятовка. Подобной «водной стихии» они в своей жизни не видели. Менделе с мягким юмором описывает «удивительные вещи», увиденные Вениамином на реке: «Однажды Вениамин заглянул в реку и увидел там в глубине какие-то странные существа, похожие на женщин». «Крайне удивленный, - описывает этот эпизод сам Вениамин, - я указал на эти существа лодочнику, но тот в свою очередь указал мне на каких-то прачек, стоявших на берегу и стиравших белье. Я ему показываю на воду, а он мне – на берег, на прачек. И так как мы друг друга не понимали, то он не знал, на что я указываю, а я не знал, на что указывает он».

На берегу этой «могучей» реки у Вениамина зарождается новая идея: продолжить путешествие водой. Он не сомневается, что Гнилопятовка впадает в море, омывающее Эрец-Исраэль. Но не суждено им осуществить эту мечту. В дело вмешивается жестокая реальность.

Хотя на дворе уже Россия Александра Второго, но продолжает действовать безжалостный указ Николая Первого от 1827 года о еврейской рекрутчине. По этому указу каждая еврейская община должна была ежегодно поставлять в рекруты десять мужчин в возрасте от 12 до 25 лет с одной тысячи мужчин (для христиан – квота была семь мужчин с тысячи). От рекрутчины страдали больше всего беднота и беспомощные слои населения: община сдавала в рекруты в первую очередь сирот, детей вдов, бедняков. На почве еврейской рекрутчины повсеместно совершались преступления. Во многих еврейских общинах появилась особая категория жуликов - ловцов евреев для сдачи в рекруты взамен

детей богатых семей. Таких жуликов по-еврейски называли «хаперс» («ловцы»). В руки таких «хаперс» и попали наши незадачливые путешественники.

Если до сих пор в романе преобладал мягкий юмор, то в этой заключительной части произведения Менделе вновь выступает как острый сатирик: «Увы, Вениамин и Сендерл и не догадывались, что не только в пустыне опасно путешествовать из-за диких чудовищ...»

Под благовидными предложениями «ловцы» сбивают у горе-путешественников бороды, обряжают в шинели и сдают в солдаты. Вениамин не может смириться с муштрой, с ограничением его свободы. Вместе Сендерлом они совершают побег. Но их ловят и сажают в тюрьму. На суде Вениамин заявляет: «Мы вам признаемся, что мы не знали, не знаем и знать не хотим ваши военные дела. Мы, слава Богу, женатые, у нас на уме совершенно другое... Мне кажется, что вы и сами должны хотеть от нас избавиться!»

Путешественников отпускают на все четыре стороны. И на этом повествование неожиданно обрывается...

Роман «Путешествие Вениамина Третьего» принес Менделе всемирную литературную славу. Произведение было переведено на несколько иностранных языков. Характерно: почти во всех переводах роман назывался «Еврейский Дон-Кихот», хотя с романом Сервантеса произведение Менделе имеет довольно отдаленное сходство.

В связи с романом «Путешествие Вениамина Третьего» вспоминаю постановку по этому произведению в Московском Государственном Еврейском Театре.

Премьера спектакля состоялась в апреле 1927 года. Мне было тогда шесть лет. Но мне чрезвычайно повезло. Этот спектакль продержался в репертуаре театра почти 20 лет! И в 1946 году мне посчастливилось его посмотреть. В спектакле бессменно играли два выдающихся актера - Соломон Михоэлс и Вениамин Зускин. До сих пор перед моими глазами стоят их образы: Михоэлс-Вениамин – худой, изможденный, порывистый, смешной и трогательный, одетый в чёрный, старый капот, страстно рвущийся вперёд, и его верный оруженосец Зускин-Сендерл – пухленький, в мешковатом балахоне, на кривых ножках вынужденный догонять стремительно шагающего друга.

Михоэлс по-своему трактовал своего героя: «Многие театроведы склонны видеть в Вениамине Третьем предшественника «людей воздуха». Едва ли это так. Вениамин Третий – не Менахем-Мендель, в фантазиях и деяниях которого есть что-то от прозы жизни – мечты Вениамина возвышены, даже божественны... Я его всегда называю не Вениамин Третий, а «Вениамин – подрезанные крылья» (М. Гейзер. Михоэлс. Жизнь и смерть. М., 1998, с. 111).

С «Вениамином Третьим» связан еще один знаменательный эпизод в жизни Михоэлса.

29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о создании Государства Израиль. Известно, что немалую роль в принятии такого решения сыграл Советский Союз.

Ровно через месяц в Москве, в Политехническом Музее, состоялся большой вечер, посвященный 110-летию со дня рождения Менделе Мойхер-Сфорим. Зал был набит до отказа. Присутствовавшая на вечере дочь Михоэлса Наталья Вовси-Михоэлс вспоминает:

«Со вступительным словом выступил Михоэлс, после чего они с Зускиным сыграли отрывок из "Путешествия Вениамина Третьего". Своё выступление Михоэлс начал так: "Вениамин, отправившись на поиски земли обетованной, спрашивает встреченного на пути крестьянина: "Куды дорога на Эрец Исраэль?". И вот недавно, с трибуны Организации Объединенных Наций, товарищ Громыко дал нам ответ на этот вопрос!"

Боже, что произошло с залом в ответ на этот неприкрытый призыв Михоэлса! Раздался буквально шквал рукоплесканий. Люди повскакали со своих мест, отец же стоял

бледный, неподвижный, потрясенный такой реакцией зала. Овации длились, наверное, минут десять.

...Отец з н а л, что это выступление ему даром не пройдет... Реакция зала неожиданно показала Сталину, что советские евреи инфицированы бациллой той самой тоски по "обетованной Земле", которую искал герой Михоэлса. Ответная реакция Сталина на такое поведение "лиц еврейской национальности" была незамедлительной. Через две недели Михоэлс был убит без суда и следствия» (Наталья Вовси-Михоэлс. "Мой отец Соломон Михоэлс", Тель-Авив, 1984, стр. 242).

Заключение

Менделе Мойхер-Сфорим - великий художник слова. Даже там, где он выступает строгим сатириком, он использует широчайшую гамму изобразительных средств. Особенно талант Менделе-художника раскрывается при его рельефном описании природы.

Вот, например, как Менделе-Книгоноша рисует переход от зимы к весне: «Неделя после Пурима (еврейский праздник, приходящийся обычно на март). На небе ярко светит солнце, сообщая зиме, что оно набирает силу. Лёгкий, теплый ветерок шлёт зиме первое предупреждение: кончается срок её пребывания на земле. Уходи, уходи! – говорят ей все. Но зима действует против солнца как плохой сосед – со дня на день ложью и обманом откладывает свой уход. Днём, когда солнце в зените, зима делает вид, будто принимает приговор и как бы складывает свои пожитки. Снега отступают со слезами – зима плачет, огорченная тем, что её белизна пожухла, сменилась грязновато-серым цветом, текут ручейки. Но как только солнце уходит с небосклона, прячется в своей обители и наступает вечер, зима глядит ему вслед с гневом. Она снова извлекает из ножен свое оружие, снова превращает воду в лёд. Но что за лёд - какой-то жалкий, старческий, немощный. Недолго ему осталось жить».

Приведу еще один отрывок: изображение украинской летней ночи. «Тихо подкрадывается ночь... Поодиночке, точно свечи, угасают красные лучи заходящего солнца. Пробегает лёгкий ветерок и поверяет нам тайну: «День миновал... День умирает...» Деревья насупили брови, они хотят спать. Повсюду печаль, уныние вокруг, как в субботний вечер перед последней трапезой, когда всё грустит, всё тоскует, и дух праздничной благодати прорывается куда-то, трепещет, ему трудно разлука... Но – тише! Вот и она, колдунья-ночь».

Как вы могли заметить, в приведенных отрывках в описании природы присутствуют еврейские национальные мотивы: «Поодиночке, точно **свечи**, угасают красные лучи заходящего солнца»; «уныние, как в **субботний вечер** перед последней трапезой», «тихо прошепчет **последнюю молитву** на сон грядущий». Подобные мотивы очень часто встречаются в произведениях автора. Приведу еще несколько примеров: «Деревья в лесу читают молитву **Минха**» (Минха – послеобеденная молитва в синагогах); «Трава шумит, как будто молится»; «Ночь накрывает город **темно-голубой шалью**» (намек на голубые полосы талеса); «Пой, соловушка, пой! Твое пение трогает меня больше, чем игра музыкантов, когда совершают обряд **«бадекн ди кале»** (когда закрывают лицо невесты непрозрачной фатой).

Говоря о Менделе как о великом художнике слова, Шолом-Алейхем отмечал: «... В еврейской литературе Абрамович – непревзойденный стилист. Мысли его глубоки, его творения полны мудрых иносказаний, слова всегда отточены, отшлифованы, пригнаны, гармоничны, язык по-настоящему народный» (Шолом-Алейхем, собрание сочинений, т. 6,

М. .1990, с. 104). И ещё одна шолом-алейхемская оценка Абрамовича: «Как художник–реалист он сделал для своей национальной культуры то же, что Гоголь для русской».

Менделе, безусловно, был по преимуществу сатирик. Но сатирик, бесконечно любящий свой народ и страстно желающий, чем только можно, улучшить его положение в российском обществе. Сатира Менделе – это призыв к человеку, стоящему у глубокой пропасти: оглянись, повернись и уйди от нее!

Известно, что Менделе неоднократно перерабатывал свои произведения. Так, роман «Фишка хромой» выходил тремя переделанными изданиями – в 1869, 1876 и 1888 годах, и с каждым разом в романе смягчалась сатира, прибавлялась теплота и симпатии к своим героям.

Закончить свою статью я хотел бы словами самого Менделе: «Видимо, я родился для выполнения роли писателя для моего народа, моего бедного народа. И чтобы я был им признан с самого начала. И Бог сказал: иди, моя птичка, лети по свету и будь самым несчастным из несчастных, еврей среди евреев!»